

— В грозу — и на дерево залезть додумались? — удивился Чэнь Чжэнго.

— Ну да, мы мигом туда взлетели!

— Думали, прибьет нас на месте, а тот мужик нас даже не заметил.

— Он страх какой опасный был, с пушкой! Только кровь из него так и лилась.

Выслушав их, командир Чэнь Чжэнго велел принести галеты. Он выложил угощение на стол, побуждая ребят рассказывать дальше. Это была их награда.

Ребятня зашумела, как стайка воробьев. От недавнего страха не осталось и следа — стоило заговорить о том, чему они сами были свидетелями, как у каждого загорелись глаза. Мальчишки перебивали друг друга, отчаянно жестикулировали, а самые речистые вовсю приукрашивали историю собственными фантазиями. В комнате поднялся невообразимый гвалт.

Чэнь Чжэнго лишь мягко улыбался, о чем-то размышляя. Его взгляд то и дело возвращался к Гоуданю. Что-то в этом мальчишке казалось ему странным. Для своих десяти лет тот вымахал так, что легко сошел бы за двенадцатилетнего. Да и говорил он как-то слишком изворотливо, по-взрослому юля.

«Интересно, чьих он будет? — думал Чэнь Чжэнго. — С виду простой деревенский пацан, а ухо нужно держать остро».

Опыт службы научил командира безошибочно читать людей, и нутро подсказывало ему: этот малый далеко не так прост и наивен, каким хочет казаться.

Вот и сейчас, пока остальные мальчишки, завидев печенье, едва ли не исходили слюной и наперебой тараторили, Гоудань вдруг притих. Он больше не лез вперед, лишь изредка поддакивал остальным да шумно сглатывал слюну, мешаясь в общей куче. И еще этот паренек рядом с ним, который упорно прятал лицо, глядя себе под ноги.

Для глухой деревни внешность ребят была на удивление утонченной. Кожа белая, черты лица аккуратные — совсем не чета здешней загорелой детворе. Стоило приглядеться к этой парочке внимательнее, как их непохожесть на остальных сразу бросалась в глаза. Было в них что-то неуловимо чуждое здешним местам.

Гоудань, разумеется, кожей чувствовал на себе пристальный взгляд офицера. Даже не поднимая головы, он ощущал это давящее внимание и искренне не понимал, чего от него хотят. Смотреть мужчине в глаза мальчик не собирался. В последнее время его чувства обострились настолько, что чужое настойчивое внимание вызывало у него почти физический дискомфорт — по спине пробегал холодок, а затылок стягивало от напряжения.

— Товарищ командир, личный состав к выходу готов! — четко доложил один из бойцов.

— Отлично. Выдвигаемся немедленно. Отведите ребят в дом и передайте под присмотр дедушки Чжу, — распорядился Чэнь Чжэнго. — А ты... Гоудань, верно? Проводишь нас до леса? Покажешь, где все случилось.

Командир резонно рассудил, что особой опасности нет, а с проводником поиски пойдут куда быстрее.

— Не-а, — буркнул Гоудань.

Чэнь Чжэнго на мгновение лишился дара речи.

«Может, его просто за шиворот взять да потащить?» — мелькнула у него грешным делом мысль.

Гоудань с тоской смотрел, как его приятели гурьбой ринулись к столу и начали уплетать печенье за обе щеки. Сам он из-за стоящего перед ним офицера пробиться к лакомству не мог, и никто из друзей даже не подумал поделиться. Ну что за неблагодарный народ! Из другого угла комнаты мальчишки с набитыми ртами весело махали ему и Ван Сюаню, зазывая к себе. Легко сказать! Командир вырос перед ними неодолимой преградой — и как тут прикажете протиснуться? Неужели трудно было захватить пару штук и принести? Гоудань мысленно сокрушался о такой вопиющей несправедливости.

Мальчик уже собирался высказать все, что думает по этому поводу, как вдруг Ван Сюань тихонько потянул его за рукав:

— Дяденька, давайте лучше я вас провожу. Я хорошо запомнил то место.

— Еще чего! — возмутился Гоудань.

Он вскинул голову, уставившись на Чэнь Чжэнго. Тот мало того что в плечах был косая сажень, так еще и вымахал под два метра — шею сломает, пока до лица взглядом дотянешься. Жутко неудобно! Качать права с заезжим командиром так же лихо, как с отцом, Лао Сы, Гоудань не решался: этот суровый военный сюсюкаться не станет.

— Я сам вас отведу! — выпалил он. — Я бегаю быстрее ветра.

— Вместе пойдем, — упрямо отрезал Ван Сюань, не желая отпускать друга одного.

Убедившись, что отряд готов к выступлению, Чэнь Чжэнго взглянул на часы:

— Выдайте обоим по бронежилету — и в путь.

Двое дежурных, остававшихся охранять ворота, послушно сняли свои бронежилеты и, присев перед ребятами, помогли им затянуть ремни. В те годы подобная армейская экипировка — тяжелые жилеты из сверхпрочного нейлона, призванные защищать от выстрелов из пистолетов «Тип 64» и осколков, — считалась жутким дефицитом. На щуплых мальчишках броня сидела мешковато, закрывая их чуть не до самых колен, но бойцы ловко подогнали лямки, так что бегать снаряжение не мешало.

Оставшиеся в доме мальчишки чуть не лопнули от зависти при виде такого снаряжения, а вот Гоудань лишь мрачно сопел.

«Хороши друзья, — сердито думал он. — Хоть бы один догадался сунуть мне в карман пару галет! Только и могут языком чесать: "Возвращайтесь скорее!" Нет бы сказать: "Мы сохраним печенье и съедим его вместе, когда вы вернетесь!"»

Обида так и клокотала в его душе.

Отряд двинулся быстрым маршем. Поначалу Чэнь Чжэнго сомневался, стоит ли брать с собой второго мальчугана — уж больно тот казался хрупким и бледным, — но паренек заартачился и наотрез отказался оставаться. Впрочем, вскоре опасения командира рассеялись: ребята ничуть не отставали от подготовленных бойцов и шли ходко, без малейших усилий. Гоудань, конечно, держался увереннее — сказывалась привычная деревенская закалка, из таких парней всегда выходят отличные выносливые солдаты.

Приближаясь к заветному месту, Гоудань сам заговорил, стараясь облегчить военным задачу:

— Мы заходили вон там, по едва заметной тропке. Если пройти дальше, будет небольшая поляна прямо у ручья.

Он выкладывал подробности без утайки, рассудив, что чем быстрее они закончат с поисками, тем скорее он вернется на базу. А там, глядишь, еще останется печенье. Он ведь за всю свою жизнь ни разу его не пробовал, только слышал, какая это вкуснотища. Эх, надо было перед уходом все-таки схватить горсть со стола!

— Сначала мы пекли... — он вовремя прикусил язык, чуть не сболтнув про ворованные припасы, — то есть просто возились у костра, потом решили искупаться. Прямо в ручье. И тут ка-а-ак бабахнет! Из кустов с той стороны птицы стайей ломанулись, прямо над нашими головами пролетели.

— Людей видел? Сколько их было? — деловито спросил Чэнь Чжэнго.

— Только одного. Мужчина. Одет... то ли в черное, то ли в серое, точно не разглядел —

страшно было смотреть.

Чэнь Чжэнго бросил быстрый взгляд на бойца-следопыта, который уже вовсю изучал землю. Тот согласно кивнул, подтверждая слова мальчика.

— Как он двигался? Что с ним было? — продолжил расспросы командир.

— Как... — Гоудань на секунду задумался. — Да вроде нога у него была прострелена. Штанина пониже колена потемнела и намокла. И еще... он пистолет в левой руке держал. Рука у него ходуном ходила. А ушел он, кажись, вон в ту сторону.

Следопыт вновь безмолвно подтвердил показания кивком. Судя по примятой траве и обломанным веткам, беглец действительно волочил ногу и даже не пытался запутать следы. Чэнь Чжэнго нахмурился. Маловероятно, чтобы это был один из тех матерых диверсантов, которых они выслеживали. Те бы ни за что не проглядели целую ораву шумящих у ручья детей, даже будучи тяжело ранеными. Слишком уж много глупых следов оставил этот чужак — словно бежал вслепую, в полной панике.

— Спускайте собаку, пусть возьмет след, — вполголоса скомандовал Чэнь Чжэнго. — Двоим остаться здесь и не спускать глаз с ребят.

Пёс, шумно поводя носом, сделал круг, а затем вдруг радостно взвизгнул и прыгнул на Гоуданя, уткнувшись ему в грудь передними лапами. Мальчик попытался оттолкнуть его, но дружелюбная ищейка упрямо лезла ласкаться, яростно наяривая хвостом, словно пропеллером. Очевидно, никакой угрозы от ребенка она не чувствовала — только искреннее обожание.

Проводник натянул поводок и с любопытством уставился на Гоуданя:

— У вас дома собака есть?

— Ну есть, — буркнул Гоудань, в очередной раз уклоняясь от мокрого носа.

Вся эта возня начинала его раздражать. Своих домашних любимцев, Дагуай и Сяогуай, он, конечно, ценил, но к чужим животным питал полное равнодушие. Да и вообще, к зверью у него было отношение чисто практическое: видишь животину — думай о наваристом бульоне, а всякие нежности пусть остаются девочкам. Это Ван Сюань вечно сочувствовал каждой букашке. Вон, стоит теперь и тихонько прыскает в кулак, глядя на его мучения.

— Сразу видно, у вас дома славная сука живет, — со знанием дела усмехнулся солдат.

Гоудань опешил. Дагуай и правда была девочкой, но при чем тут этот надоедливый кобель? Заметив недоумение на лице пацана, боец пояснил:

— А у меня пес. Кобели за версту почуют, если от тебя пахнет хорошей девчонкой.

Гоудань лишь плечами пожал — в тонкостях собачьих взаимоотношений он разбираться не желал. К счастью, пса наконец увели. Здешние служебные собаки на самом деле были обычными деревенскими дворнягами, натасканными для патрулирования. Понятное дело, породистые овчарки из элитных питомников до заштатной государственной фермы никогда бы не добрались. Впрочем, чутье у местной шавки было отменным, а для охраны складов и поимки мелких воришек большего и не требовалось.

Кто же знал, что сегодня дворняге выпадет настоящее дело? И все же тренировки явно оставляли желать лучшего: едва почуяв манящий аромат на одежде Гоуданя, лохматый сыщик напрочь позабыл о дисциплине. Если бы не строгий окрик проводника, пес так и крутился бы вокруг мальчишки, забив на службу.

Устроившись на поваленном стволе, Гоудань подпер подбородок кулаками и тоскливо вздохнул. На кой лад он вообще сегодня потащился в этот лес? Сидел бы сейчас дома, а не кормил злых таежных комаров.

— У тебя противомоскитный мешочек с собой? — вполголоса спросил он друга.

— Нет, — покачал головой Ван Сюань.

Заветный мешочек лежал у него в пространственном кармане, но доставать его при чужих людях было никак нельзя. Так что пришлось соврать.

— И долго нам тут еще торчать?

— Надеюсь, скоро закончат.

Ждать действительно пришлось недолго. Из чащи показались двое солдат, несших наспех сооруженные носилки. На них лежал мужчина, весь в темных бурых пятнах. Он не шевелился — жизнь давно покинула это тело. Бойцы сопровождения мгновенно среагировали и ладонями закрыли ребятам глаза, уберегая детскую психику от жуткого зрелища. Лишь когда носилки пронесли мимо и скрылись за деревьями, руки солдат опустились.

Гоудань застыл, уставившись в пустоту. Сердце у него бешено колотилось — он действительно испугался. Обладая феноменальным зрением, он успел рассмотреть мертвеца еще до того, как солдатская ладонь преградила обзор. К горлу подкатил липкий ком тошноты. От мысли, что этот вооруженный безумец мог наткнуться на них у ручья, кровь стыла в жилах. Если бы тот открыл огонь по беззащитной детворе... кто-то из его друзей сейчас лежал бы точно так же, бездыханный и окровавленный.

«Все, ноги моей больше в этом лесу не будет», — твердо решил для себя Гоудань.

Ван Сюань хоть и не видел тела, но сразу все понял. Как ни странно, он оправился от испуга гораздо быстрее товарища.

«Главное, что все наши целы», — мысленно облегченно вздохнул он.

Вслед за первым мертвецом из чащи вынесли еще одно тело, а затем — тяжелораненого мужчину, едва дышавшего. Убедившись, что улик больше нет, Чэнь Чжэнго отправил гонца на государственную ферму, чтобы тот связался с милицией, а сам скомандовал отряду возвращаться. Гоуданя и Ван Сюаня определили в авангард под охраной тех же двух бойцов. Командир умышленно разделил группу, чтобы оградить детей от созерцания жутких последствий перестрелки. Ребят увели вперед на приличное расстояние, и лишь когда они скрылись из виду, солдаты тронулись следом, неся носилки.

Дальнейшее расследование ребят уже не касалось — такие дела не для детских ушей. Зато за содействие отряду Чэнь Чжэнго лично выделил им награду. В те времена за добрые дела платить было не принято, взрослые обычно обходились похвальными грамотами да записями в личное дело для продвижения по службе. Но с детьми этот номер бы не прошёл — детвору нужно было задобрить чем-то существенным. Каждому отсыпали по щедрой горсти душистых сосательных конфет и хрустящих галет, чего хватило, чтобы стереть из памяти любые страхи.

Вся злость Гоуданя на сурового командира мгновенно улетучилась. Поразмыслив, он пришел к выводу, что день прошел исключительно удачно. Во-первых, выкопанный арахис у них отбирать никто не стал. Во-вторых, военные разрешили им приходить на это поле и впредь — нужно было лишь заранее предупреждать караульных. Ну и в-третьих, сладкий трофей в кармане приятно грел душу. О большем и мечтать не приходилось!

Прощаясь с Чэнь Чжэнго, Гоудань сиял как начищенный медный таз и вежливо махал ручкой — сущий ангелочек, а не ребенок.

Позже, делясь впечатлениями со стариком Чжу, Чэнь Чжэнго качал головой:

— Ну и пронырливый же малый! Ума не приложу, что у него в голове творится. Видели бы вы его, когда он дорогу нам показывал: вроде и помогал исправно, а физиономия недовольная, туча тучей. Откуда у такого шкета столько взрослых мыслей и расчетов?

— Сирота он, материнской ласки с младенчества не знал, — со вздохом отозвался дедушка Чжу. — Отец у него мужик простой, неотесанный. Не будь пацан сообразительным, вряд ли бы они вообще выдюжили. Так что не удивляйся, бедность кого хочешь вымуштрует. Оттого он и ершистый такой, недоверчивый. А второго мальчонку приметил, что с ним рядом крутится? Тоже сиротка круглый, теперь у них прижился. Непростые ребята, ох непростые. И умные не по годам.

— Да хорошие они парни, — улыбнулся Чэнь Чжэнго. — Вы же знаете, у меня дочка растёт, три годочка ей уже. Из-за службы вижу ее раз в сто лет. Так она меня боится, как огня! Стоит подойти ближе — зажимается, словно мышонок перед кошкой, а уж если на руки попытаюсь

взять, сразу в слезы. Не умею я с детьми ладить, совсем их характер не понимаю.

<http://bllate.org/book/19654/1996719>